

Андрей Мамонов

Реформатор и его замыслы*

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The reformer and his ideas

DOI: 10.31857/S2949124X23050152, EDN: OMSRLJ

Книги о реформах и реформаторах Российской империи в последнее время выходят всё реже. Исследовательские интересы так или иначе отражают воздействие исторического самосознания общества, его ожидания и разочарования не проходят бесследно. В какой-то момент бунтовщики и пламенные революционеры словно бы отошли в тень, уступив место (во всяком случае, на книжных полках) более или менее удачливым преобразователям, либералам и консерваторам. Изучение их взглядов и деятельности не просто заполняло огромные лакуны, искусственно оставленные в советское время при освещении русской истории, но одновременно как будто давало надежду на нечто иное, несомненно лучшее, хотя и непременно несбывшееся. Но увеличение знаний, в том числе и научных, как и положено, лишь умножало печаль. И теперь, похоже, уже никто не ждёт ничего хорошего ни от реформ, ни от революций, причём и в настоящем, и в прошлом. Не случайно юбилеи и крупные даты, какими бы чествованиями они ни сопровождались, не вызывают больше и тени тех дискуссий, которые сравнительно недавно велись так увлекательно и жарко.

Конечно, это сказывается и на постепенно слабеющем внимании к эпохе Великих реформ 1860–1870-х гг. и её ключевым фигурам.

Сейчас о них известно несоизмеримо больше, чем 30–40 лет назад. Картина стала значительно сложнее, но теперь, как ни странно, сама эта сложность оказывается препятствием на пути её осмысления, а круг аспектов и нюансов, которые необходимо учитывать, продолжает расширяться. Неудивительно, что за прошедшие десятилетия так и не появилось новых фундаментальных биографий Александра II и его сотрудников, за исключением вел. кн. Константина Николаевича¹. В частности, на русском языке до сих пор нет сколько-нибудь обстоятельного исследования, в котором очерчивался бы жизненный путь Н.А. Милютин (1818–1872). Между тем в отечественной историографии ещё в 1980-е гг., во многом благодаря Л.Г. Захаровой², было признано, что решающую роль в преобразованиях 1860–1870-х гг. играли всё же не «революционные демократы», а «либеральные бюрократы» и в том числе один из наиболее авторитетных их лидеров — Николай Алексеевич Милютин. При этом за границей его оценили гораздо раньше. Ещё в конце XIX в. о нём рассказал своим читателям А. Леруа-Больё, а в 1977 г. был издан небольшой (всего 130 страниц), но охвативший всю жизнь «просвещённого русского бюрократа» очерк Б. Линкольна³. В России же сведения о Милютине по-прежнему приходит-

* Морозова Е.Н. Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов: Издательство Саратовского университета, 2019. 208 с., ил.

ся искать в справочниках, мемуарах, популярных статьях и исследованиях, посвящённых различным сюжетам⁴.

В этой ситуации выход новой монографии профессора Саратовского университета Е.Н. Морозовой не может не радовать. Она уже не одно десятилетие работает над темой и известна ценными трудами по истории преобразования местного управления в Российской империи в середине XIX в.⁵ Теперь эти сюжеты рассмотрены ею в связи с формированием мировоззрения Н.А. Милютина и развитием его замыслов в 1840–1850-е гг. (с. 199). Книга основана на глубоком знании существующей литературы (с. 5–12), документов государственных учреждений и отдельных чиновников, мемуаристики и публицистики. Некоторые сравнительно компактные и наиболее выразительные тексты, выявленные в архивах (например, замечания Милютина о статье В.П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства» или «Соображения» Николая Алексеевича о проекте П.А. Валужева), хорошо бы смотрелись в качестве приложения.

Характеризуя взгляды Милютина, Морозова показывает влияние на будущего реформатора семейной обстановки, обучения в гимназии и загородном пансионе Московского университета (с. 17–33). Доверительные отношения, существовавшие в семье, заставляли его острее переживать выпавшие на её долю невзгоды, а не просто дававшаяся учёба (особенно на фоне успехов старшего брата) задала самолюбие увлекающегося подростка с ярко выраженными литературными наклонностями. Возникшая у него предрасположенность к «французскому байронизму» и даже некоторой театральности вполне естественно смотрелась на закате позднего романтизма (с. 27–30, 49), и лишь на рубеже 1830–1840-х гг. её медленно

сменили серые сумерки позитивизма с его модой на статистические изыскания и политическую экономию⁶. Так постепенно складывался его неровный, нервный, но скорее привлекательный своей живостью характер (с. 48–49), в котором причудливо сочетались острые рациональные суждения, частые сетования на жизнь и её несправедливость, самоирония и боевой задор. Он был одновременно и избалован судьбой, и хорошо знаком с её переменчивостью. Чего стоили хотя бы неоправдавшиеся расчёты окончить пансион с чином X класса.

Один из разделов первой главы книги освещает «начальный этап карьеры Н.А. Милютина в МВД» (с. 48–64). И здесь, как известно, не обошлось без участия семьи. Преданная забота о заболевшем брате, находившемся в «почти безнадёжном состоянии», буквально вырвала Николая Алексеевича из намеченной для него (и совершенно бесперспективной) колеи, предполагавшей прозябание в канцелярии московского генерал-губернатора, где он уже заранее хоронил «свою будущность», и в одночасье перенесла осенью 1835 г. в столицу⁷.

Обычно вслед за П.П. Семёновым считается, что «высокопоставленный дядя, П.Д. Киселёв, исключительно преданный высокому служению государственным интересам, не обладал душевной теплотой и стоял очень далеко от семейных интересов ближайших своих родных, вследствие чего он приблизил к себе своих племянников не ранее начала 1850-х гг.»⁸. На деле всё, конечно, было несколько сложнее. И хотя Милютины ощущали (и на всю жизнь запомнили) «какую-то натянутость и холодность» со стороны дядюшки, тот, утешая сестру, муж которой к тому времени совершенно разорился, сообщал ей, что не только старший её сын «на счету отличных офицеров», но и Николай «помещён

выгодно», и «будет приятно ходатайствовать о нём у его начальства». Поместил же Киселёв племянника к своему ближайшему сотруднику В.И. Карнееву, в то время возглавлявшему Хозяйственный департамент МВД. Павел Дмитриевич являлся тогда одним из ближайших сотрудников императора и создавал V отделение Собственной е.и.в. канцелярии и Министерство государственных имуществ (МГИ). Причём бессменным управляющим V отделением в 1836–1856 гг. служил именно Карнеев. Но, покидая МВД, Милютина к себе он не взял, «указав на неудобство и даже невыгоды службы под прямым начальством близкого родственника». Судя по тому, что «в том же смысле высказался» и Киселёв, данное решение принимал отнюдь не Карнеев⁹. Внешне это могло казаться отговоркой и желанием дистанцироваться. Но формулярный список Милютина наглядно свидетельствует, что Карнеев и Киселёв не лукавили: все чины с X по V класс Николай Алексеевич получал «за отличие» (т.е. до требовавшейся выслуги лет) и к 1849 г. был уже статским советником. Если бы это происходило в ведомстве его дяди, никто бы даже не сомневался в подоплёке такого повышения.

Кстати, среди деятелей Великих реформ далеко не только Милютины пользовались покровительством высших сановников и придворных николаевского царствования в силу своих семейных связей. Можно вспомнить и А.В. Головнина, которому всячески содействовали кн. А.С. Меншиков и гр. Ф.П. Литке (и только позднее — вел. кн. Константин Николаевич), сохранившие добрую память о его отце — В.М. Головнине, и М.Х. Рейтерна — двоюродного брата жены В.А. Жуковского, даже в отставке игравшего совершенно уникальную роль в жизни царской семьи,

и кн. Д.А. Оболенского и Ю.Ф. Самарина — внуков Ю.А. Нелединского-Мелецкого, одного из приближённых вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Все эти либеральные чиновники, имевшие репутацию опасных радикалов, «красных» и т.п., были вписаны в правящую элиту империи ничуть не менее, а иногда и более прочно, чем их титулованные оппоненты из «аристократической партии» — графы Шуваловы, Толстые, Бобринские, Палены и др.

Морозова удачно сопоставляет карьеру Милютина и его единомышленников и будущих оппонентов, рассказывает об интеллектуальных кружках и салонах 1840-х гг., об особом значении Императорского Русского географического общества для расширения кругозора и обмена опытом просвещённых столичных чиновников (с. 32–48, 60–64). Правда, об известном столкновении «немецкой» и «русской» партий, образовавшихся среди его членов (с. 46–47), следовало бы сказать подробнее. Этот конфликт так или иначе не раз упоминался в историографии¹⁰. Но в нём, помимо прочего, отчётливо проявились русофильские и даже националистические черты мировоззрения Милютина, не менее важные для понимания его деятельности, чем юношеское увлечение романтизмом или симпатии к либерализму.

Более детальной характеристики заслуживали, пожалуй, и взаимоотношения Милютина с его начальниками. По свидетельству Д.А. Милютина, на которое ссылается Морозова, сменивший Карнеева на посту директора Хозяйственного департамента М.И. Лекс благоволил к Николаю Алексеевичу, и тот, будучи старшим помощником столоначальника, вскоре «сделался в его семье почти домашним» (с. 50). Стоит отметить, что подобные отношения длились более 15 лет, после чего

Лекс стал товарищем министра, а Милютин занял в ведомстве его место.

Руководил МВД тогда Д.Н. Блудов, и в должности министра оставшийся скорее литератором, чем администратором. Любопытно, что во второй половине 1830-х гг. молодому начинающему чиновнику практически невозможно было жить на жалование и приходилось «зарабатывать средства существования»¹¹, но даже при загруженности канцелярской работой у него оставались время и силы писать статьи для «Отечественных записок», «Коммерческой библиотеки» и т.п. (с. 50–51). И тут на помощь Милютину пришёл другой близкий сотрудник его дяди — А.П. Заблоцкий-Десятовский, ушедший вместе с Карнеевым в V отделение, но поддерживавший тесную связь с кн. В.Ф. Одоевским, А.А. Краевским и чуть ли не всем литературно-журнальным миром Петербурга, который в то время, как иронизировал С.П. Шевырёв, весь помещался «на диване Одоевского»¹². Со своей стороны, Лекс включил Милютину в группу чиновников МВД и МГИ, в 1837–1838 гг. занимавшихся под руководством академика П.И. Кеппена описанием Таврической губ. Но эта командировка, ставшая для Николая Алексеевича своего рода «боевым крещением» на государственной службе, в книге почему-то ошибочно отнесена к 1841 г., хотя тут же верно отмечено, что в тот год он изучал организацию продовольственного дела в Новгородской, Тверской, Ярославской и Московской губерниях (с. 51).

При преемнике Блудова — гр. А.Г. Строганове столоначальник Милютин выполняет всё более ответственные задания. Так, в том же 1841 г. ему было поручено составить для министра записку с возражениями против строительства Московской (будущей Николаевской) железной дороги, с чем прогрессивный бюрократ успешно

справился. Но при анализе формирования его мировоззрения данный хорошо известный, в том числе и автору книги, эпизод¹³, к сожалению, совершенно стусеивался. Сама по себе такая позиция в то время не являлась чем-то оригинальным или архаичным: в целесообразности строительства железных дорог сомневались не только в МВД, но и главноуправляющий путей сообщения гр. К.Ф. Толь, и министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин, и вице-президент Департамента уделов Л.А. Перовский, и др. Раздавались голоса скептиков и в Европе¹⁴. Однако стоит отметить, что Киселёв (ставший в 1839 г. графом) не разделял этих опасений, о чём едва ли мог не знать его племянник.

Весьма непростым оказалось положение Милютина после того, как осенью 1841 г. Николай I передал МВД в руки Перовского, оставшегося при этом и товарищем министра императорского двора и уделов кн. П.М. Волконского. Поскольку в удельном ведомстве, порядки которого считались образцовыми¹⁵, ревниво относились к управлению казёнными крестьянами, в МГИ полагали, что Лев Алексеевич «втайне питал нерасположение к Киселёву» и, заняв министерский пост, «стал выказывать» свои чувства. Их соперничество осложнялось ещё и тем, что оба они на взлёте своей карьеры многим были обязаны кн. Волконскому. Но если Перовский подчёркнуто демонстрировал лояльность и даже прямую подчинённость своему патрону, то независимость и апломб Киселёва вызывали у князя раздражение. Считаясь с князем, царь даже официально (через шефа жандармов) объявлял Павлу Дмитриевичу выговор¹⁶.

Неудивительно, что новый министр, встретив Милютину «благосклонно», не сразу с ним «сблизился»¹⁷. Для Перовского был характерен

своеобразный «вотчинный» подход к администрации. В отличие от Блудова, занимавшегося преимущественно редактированием служебных бумаг, он «по-хозяйски» вникал в мелочи управления. В начале 1840-х гг. основное внимание его сосредотачивалось на городских и прежде всего петербургских делах. По выражению барона М.А. Корфа, Перовский стал буквально «полицмейстеровать» в столице — лично устанавливал цены на хлеб и мясо, оценивал скот, штрафовал лавочников, следил за толщиной обёртки, своевольно запрещал музыку в трактирах и т.п. При этом он не только завёл в Петербурге «свою контр-полицию... из разных чиновников особых поручений и мелких послужников»¹⁸, но и создал весной 1842 г. в Хозяйственном департаменте МВД «временное» отделение из четырёх столов для устройства городского управления (с. 52–53). Начальником же этого отделения был назначен коллежский асессор Милютин, которому не исполнилось тогда и 25 лет. На такой должности, при беспокойном и охочем до мелочей министре, легко было как сделать, так и погубить карьеру. Работать приходилось на износ, расстраивая желудок и нервы, но к середине 1840-х гг. молодой чиновник уже «пользовался расположением и доверием» Перовского¹⁹. Позднее супруга реформатора даже писала, будто «Перовский... не произнёс ни одной речи, не представил ни одного возражения и объяснения по Государственному совету, которые не были бы писаны рукою Николая Алексеевича» (с. 80). Скорее всего, это могло относиться лишь к городским делам, но и того было немало.

Как указывает Морозова, в 1840-х гг. МВД провело по единому плану статистическое описание хозяйства 130 губернских городов, уделив особое внимание столицам,

а также Риге и Одессе. Анализировался и европейский опыт, в частности, городские уставы Англии, Франции и германских государств (с. 53–55). «Промежуточным результатом» этих трудов стало преобразование в 1846 г. общественного управления Петербурга. По словам Морозовой, «эта реформа была высоко оценена современниками и послужила своего рода моделью будущих проектов Н.А. Милютин в сфере местного управления». Действительно, Д.А. Милютин называл её в мемуарах «первым шагом к самоуправлению, получившему в позднейшие времена широкое развитие в городских и земских учреждениях» (с. 58). Но не случайно он вспоминал о столь важном событии лишь мимоходом, ограничившись буквально одним предложением. Насколько удачным был сделанный тогда «первый шаг», судить достаточно сложно.

После реформы состав избираемой горожанами Общей думы резко увеличился, число её гласных могло теперь достигать 750 человек, включая 300 дворян и почётных граждан, тогда как в начале 1840-х гг. в ней насчитывалось 38 купцов, мещан и ремесленников. Правда, на практике осенью 1846 г. избрать удалось лишь 586 гласных, поскольку из 6 170 лиц, получивших избирательные права, в выборах приняли участие менее половины (2 685). При этом дума оставалась сословной, а вопросы, касавшиеся всех сословий, по сути, обсуждались только в I отделении, состоявшем из 120 потомственных дворян (вместо полагавшихся 150), после чего принятое ими решение просто передавалось для подписания всем остальным. Полномочия думы распоряжаться городским бюджетом по-прежнему были крайне ограниченными, а контроль со стороны губернатора — более чем жёстким (им, в частности, утверждались все журналы Распорядительной думы —

112 гласных, избравшихся для исполнения принятых решений, городского головы и члена от правительства). Тем не менее даже создание подобного учреждения, устройство которого уже в 1847 г. пришлось корректировать, сделало городское хозяйство несколько более прозрачным, позволило сразу же погасить накопленные им долги и начать понемногу увеличивать доходы. Так или иначе, в МВД к концу 1850-х гг. были довольны полученным опытом и собирались понемногу распространять его на другие города империи. В то же время петербургский генерал-губернатор П.Н. Игнатьев постоянно воевал с думой, не спешившей удовлетворять его требования, и в конце 1850-х гг. резко критиковал слишком громоздкое и трудно управляемое представительство. И хотя Морозова рассматривает эту критику прежде всего в контексте «борьбы между просвещённой и консервативной бюрократией», в ней было немало вполне здравых соображений. Во всяком случае, во второй половине XIX в., по мере того как дума станет полноценным работающим органом городского самоуправления, число её гласных будет сокращаться (до 250 в 1862 г. и до 160 в 1892 г.) (с. 56–58)²⁰. Более того, при изучении истории реформы 1846 г. стоило бы учесть не только идейные споры, но и институциональные противоречия между центральной и генерал-губернаторской властью в столице.

В книге практически ничего не говорится про время, когда МВД руководил Д.Г. Бибииков (1852–1855). Вероятно, это объясняется тем, что при нём не принималось каких-либо мер, связанных с реорганизацией местного управления. Однако для Милютин это был исключительно важный период, который, кажется, недооценивается его биографами. С середины 1851 г. Милютин управ-

лял Хозяйственным департаментом, а весной 1853 г. стал его директором. Согласно воспоминаниям его жены, Бибииков говорил гр. Киселёву, интересовавшемуся успехами племянника в новой должности: «Вы лучше спросите его, доволен ли он мною; я же могу только сказать, что если б государь мне велел уйти из министерства и самому назначить преемника, я без всякого колебания указал бы ему на Милютин»²¹.

Однако у столь лестного отзыва имелась обратная сторона. Бибииков, будучи киевским генерал-губернатором, на рубеже 1840–1850-х гг. уже осуществил введение в Юго-Западном крае инвентарей, определявших размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян. Переехав в Петербург, он по воле Николая I готовил проведение инвентарной реформы в Северо-Западном крае, вскоре, впрочем, отложенной из-за начала Восточной войны. Между тем противники министра убедили наследника престола вел. кн. Александра Николаевича в том, что «он хочет поспорить государя с дворянством»²². При этом жёсткий административный стиль Бибиикова вызывал у цесаревича отторжение. Когда Александр II вступил на престол, Бибииков полгода посылал новому монарху свои доклады, но не просил об аудиенции, ожидая неминуемой отставки, последовавшей в августе 1855 г. По словам Милютиной, её муж «мало ценил и уважал нравственные достоинства Дмитрия Гавриловича», «держал себя в стороне и ограничивался лишь официальными сношениями, избегая видеть министра иначе, как на докладах», но «в первое время падения своего старого начальника он сблизился с ним более, нежели во времена его могущества, и стал посещать чаще прежнего, уже в качестве простого знакомого». Бибииков же «всё более и более

кидался в оппозицию» и под конец «сделался... реакционером», что и заставило Николая Алексеевича от него дистанцироваться²³. Неудивительно, что подобное поведение отразилось на отношении Александра II, отличавшегося цепкой памятью. Теперь Милютин прочно ассоциировался у него с теми, кто пытался поссорить монарха с дворянством.

Но если о Бибикове в книге лишь пару раз бегло упомянуто, то о пришедшем ему на смену С.С. Ланском и его сотрудничестве с Милютиным рассказано весьма обстоятельно (с. 77–82). Автор приводит достаточно жёсткие отзывы о министре М.Е. Салтыкова, кн. П.В. Долгорукова, А.М. Унковского. Впрочем, гораздо более верным Морозова признаёт тот привлекательный образ, который создали в своих мемуарах П.П. Семёнов, Я.А. Соловьёв, Д.А. и М.А. Милютины. Ланской представлен ею как «декабрист» и гуманист, неизменно защищавший Николая Алексеевича от нападков консерваторов и с незаурядным упорством добивавшийся его назначения товарищем министра, в то время как другие его коллеги «из чувства самосохранения выдвигали людей бездарных» (с. 77–78). Сам же «приход в Министерство» Ланского назван «звёздным часом» Милютина (с. 80).

В целом, тут всё верно, но есть нюансы. Ланской, хотя и состоял по молодости в «Союзе благоденствия» (как, кстати, и Перовский), но к плану военного мятежа был совершенно непричастен. Во главе ведомства он очутился скорее случайно, как антипод Бибикова по своим личным качествам, к тому же в 1851 г. около полугода уже замещавший Перовского в МВД. Причём и в 1851, и в 1855 г. едва ли обошлось без поддержки гр. А.Ф. Орлова (с 1848 г. Ланской являлся его ближайшим помощником

по Обществу попечения о тюрьмах и Комитету для призрения и разбора нищих). Милютина министр принял доброжелательно — опытный директор со связями и покровительством вел. кн. Елены Павловны мог пригодиться, — но вплоть до 1858 г. особо не приближал, предоставив изучать и менять порядки на Нижегородской ярмарке и проч. Наследством же Бибикова по крестьянскому делу с декабря 1855 г. предстояло заниматься новому товарищу министра — А.И. Лёвшину, служившему в 1844–1855 гг. директором Департамента сельского хозяйства МГИ.

В первом же своём циркуляре Ланской объявил себя представителем дворянства у престола и обещал «ненарушимо охранять» сословные права²⁴. Патриархальная гармония помещиков и крестьян импонировала ему гораздо больше любых преобразований, а намерение императора инициировать подготовку реформы стало для министра весной 1856 г. неприятным сюрпризом²⁵. Ланской понимал, что если он не проявит должного рвения, то царь найдёт других исполнителей своей воли, а энтузиазм Лёвшина показывал, насколько легко это будет сделать. К тому же о положении крестьян уже начал рассуждать в своих записках, поступавших к Александру II, М.П. Позен, явно стремившийся вернуться в правительство и ставший в 1856–1858 гг. едва ли не главным антагонистом МВД.

Для того чтобы сохранить пост, Ланскому следовало самому взяться за подготовку реформы или, по крайней мере, стать её незаменимым участником. А поскольку своих идей, как её провести, у него не было, он полностью зависел от Лёвшина. Тот же, учитывая специфику различных регионов России, полагал, что будущая реформа не может быть единовременной и однообразной. Это естественно

вело к мысли о составлении особых проектов для каждой губернии, что, в свою очередь, требовало усиления местной власти, способной не только подавлять ожидавшиеся беспорядки, но и ориентироваться в особенностях края. Отсюда оставался всего один шаг до решения разделить страну на генерал-губернаторства, принятого Александром II весной 1858 г.

Тут-то «звёздный час» Милютин и пробил. Дело в том, что в случае повсеместной передачи контроля за губернской администрацией генерал-губернаторам, подчинявшимся непосредственно императору, существование МВД теряло всякий смысл. Министру попросту нечем было бы управлять, кроме своей канцелярии. Именно поэтому Ланской, обычно уступчивый, не умевший настоять на своём, «человек-кисель», по выражению Салтыкова (с. 77), проявил строптивость и упорство, которых от него не ожидал никто. Он даже готов был уйти в отставку, понимая, что остаться всё равно будет негде. Морозова детально анализирует известную записку, в которой Ланской и его сотрудники (предположительно — Милютин, кн. Оболенский и В.А. Арцимович) доказывали нецелесообразность учреждения новых генерал-губернаторств. По её мнению, в основе их аргументации лежало противопоставление законности административному произволу. Однако не менее отчётливо в ней звучало предостережение о том, что реализация данной меры, направленной на усиление власти, на практике приведёт к дезорганизации правительственного аппарата и хаосу (с. 116–121). Именно этот довод мог если не переубедить императора (судя по оставшимся на докладе пометкам, он не изменил тогда своё мнение), то поколебать его первоначальную уверенность. Осенью 1858 г. Александр II и высшие санов-

ники империи окончательно признали, что проект реформы, со всеми региональными вариантами, должен быть разработан в Петербурге, а руководить её осуществлением надлежит центральным учреждениям.

Ланской удержался, но теперь уже не мог обойтись без Милютина. Министру нужен был товарищ, который не побоялся бы пойти на конфликт с дворянством, отстаивавшим свои губернские проекты (а Лёвшин этого решительно не желал), сможет обеспечить лидерство МВД при подготовке реформы и в то же время ни при каких обстоятельствах не станет соперником. Как ни парадоксально, но именно предубеждённость Александра II против Милютина побуждала Ланского выдвигать его кандидатуру после того, как Лёвшину пришлось покинуть ведомство. Расчёт оправдался, и Николай Алексеевич был назначен только «временно исправляющим должность товарища министра». А в конце 1860 г., когда заседания Редакционных комиссий закончились, Ланской, словно пытаясь уравновесить влияние Милютина в МВД, назначил директором Департамента общих дел гр. П.А. Шувалова.

Политические споры гр. Шувалова и Милютина, если верить воспоминаниям Семёнова, начались ещё в конце 1850-х гг., когда оба они входили в состав Комиссии об уездных и губернских учреждениях²⁶. Однако в историографии их обстоятельства, к сожалению, до сих пор ещё не выяснены. Между тем в книге Морозовой тщательно освещены занятия Комиссии и их результаты. Автор прослеживает их связь с первыми проектами преобразования уездной полиции, составлявшимися в 1856–1858 гг. (с. 104–114), и предложениями «Первой милютинской комиссии» в МВД, которая осенью 1858 г. не только обобщила мнения

губернаторов о проблемах местного управления, но и наметила собственный план его изменения (с. 121–126). Очертив состав и принципы деятельности Комиссии об уездных и губернских учреждениях (с. 127–144), исследовательница раскрывает причины и внутреннюю логику выделения и ускоренного проведения полицейской реформы и, в частности, создания института судебных следователей. Морозова показывает, как стремление усилить эффективность полиции заставляло упорядочивать и упрощать её функции, передавая их новым следственным и хозяйственно-распорядительным органам. Причём «реорганизация практически любого из уездных учреждений неизбежно затрагивала и губернские» (с. 143–161).

Анализ милютинских проектов «коренной реорганизации губернского управления» в новой книге Морозовой отчасти перекликается с её монографией 2000 г.²⁷ При этом автор дополняет и развивает сделанные ранее наблюдения, обращая основное внимание на внутреннее единство задуманной, но так и не воплощённой полностью реформы, предусматривавшей, помимо устройства выборного земского самоуправления, существенную трансформацию административных структур (с. 162–187). Морозова тонко сравнивает и обоснованно противопоставляет подходы Милютина и Валуева, по-разному видевших роль и характер местной власти (с. 178–187). Особый интерес вызывает не реализованный замысел создания губернского совета, призванного координировать действия чиновников и земства (с. 187–189). Впоследствии к этой идее вернутся (впрочем, также безуспешно) гр. М.Т. Лорис-Меликов и М.С. Каханов.

Обстоятельства удаления Ланского и Милютина из МВД изложе-

ны в книге особенно ярко. Их весьма почётную отставку Морозова связывает со «сменой правительственного курса» (с. 190–191) и стремлением Александра II «достичь консенсуса и примирить интересы враждующих сторон», для чего ему пришлось «пойти на очередной компромисс» (с. 197). Тем не менее, по её словам, «просвещённая бюрократия, потерявшая свои ключевые посты, безусловно, была недовольна назначением П.А. Валуева на пост главы Министерства внутренних дел» (с. 198). Но едва ли «просвещённую бюрократию» следует отождествлять исключительно с одной из её групп²⁸. Те же Валуев, Игнатъев (многолетний директор Пажеского корпуса) или гр. В.Н. Панин были ничуть не менее «просвещёнными» государственными деятелями, чем Милютин и его единомышленники. Но и собственно «либеральная бюрократия» в начале 1860-х гг. отнюдь не теряла, а скорее усиливала свои позиции: как раз в 1861–1862 гг. министерские посты заняли Д.А. Милютин, Головнин, Рейтерн. Едва ли справедливо писать о «трагедии реформатора» в 1861 г. и применительно к Н.А. Милютину. Конечно, в пылу борьбы он болезненно переживал удаление от дел. Однако длительный отпуск после напряжённой 25-летней работы был ему совершенно необходим и, вероятно, на несколько лет отсрочил тот действительно роковой удар, который постиг Николая Алексеевича на пике карьеры и влияния в 1866 г.

Монография Е.Н. Морозовой несомненно принадлежит к числу лучших современных исследований, посвящённых политической истории эпохи Великих реформ. Впрочем, и в ней встречаются, к сожалению, досадные ошибки и неточности. Так, слова из дневника кн. Оболенского о Ланском приписаны кн. В.П. Ме-

щерскому, причём в сноске указан «князь Вяземский» (с. 76). Не раз можно обнаружить опечатки в инициалах, особенно не повезло почему-то В.П. Буткову (с. 116, 123, 204). «Виленский генерал-губернатор» И.Г. Бибииков в именном указателе «слился» со своим братом Дмитрием Гавриловичем (с. 124, 204); смешались там и упоминания о графах П.А. и П.П. Шуваловых (с. 155, 207). «Мелкий, бисерный и очень трудно читаемый» почерк Н.А. Милютинина (с. 88), возможно, не всегда удавалось прочесть правильно. К примеру, в одном из его писем говорилось будто бы о «страшном положении временного товарища» (с. 192), тогда как упоминание о «странном» звучало бы гораздо естественнее и понятнее; в другом случае Бутков превратился в «Бутковского» (с. 191). При описании событий 1840–1850-х гг. П.Н. Игнатъев назван «графом», хотя этот титул он получил лишь в декабре 1877 г. (с. 56). Более того, из текста может показаться, будто Игнатъев находился на посту столичного генерал-губернатора не в 1855–1861 гг., а уже в 1846–1847 гг. (с. 57). Весьма неудачным и запутывающим читателя является утверждение, будто подготовка первых проектов полицейской реформы началась «практически одновременно с “назимовским” рескриптом уже в октябре 1856 г.» (с. 106). Всё же рескрипт В.И. Назимову был подписан 20 ноября 1857 г., хотя предварявшая его переписка действительно велась в МВД более года, что, скорее всего, и имелось в виду.

Тем не менее Е.Н. Морозовой сделан ещё один важный шаг в изучении биографии Н.А. Милютинина и того реформаторского опыта, без которого невозможно создать верное представление ни об императорской России, ни о судьбах российской государственности в целом.

Примечания

¹ О нём см.: *Воронин В.Е.* Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008; *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009; *Воронин В.Е.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010; *Воронин В.Е.* «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019.

² *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. См. также: *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

³ *Leroy-Beaulieu A.* Un homme d'état russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite. Étude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1855–1872). Paris, 1984; *Lincoln W.B.* Nicolai Miliutin: an enlightened bureaucrat of the 19th century. Newtonville (Mass.), 1977.

⁴ См., в частности: *Кизеветтер А.* Николай Алексеевич Милютин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 233–266; *Костошко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

⁵ *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000; *Морозова Е.Н.* Формирование концепции земской реформы (середина 1850-х – начало 1860-х годов) // Земское самоуправление в России, 1864–1918. М., 2005. С. 77–175.

⁶ Подробнее см.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 71–100; *Христофоров И.А.* Самая либеральная из наук: политическая экономия и кружок либералов-фритредеров в эпоху Великих реформ // Историк и художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 157–170.

⁷ *Милютин Д.А.* Воспоминания 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1997. С. 142–144.

⁸ *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары / Публ. И.Е. Дронова. Т. 3. М., 2018. С. 35.

⁹ Милютин Д.А. Воспоминания 1816–1843. С. 153–156.

¹⁰ См., в частности: *Lincoln W.B.* In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb (Ill.), 1982. P. 95–100; *Матвеевская Г.П.* Яков Владимирович Ханьков, 1818–1862. М., 2006. С. 129–161; *Стафёрова Е.Л.* А.В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 32–36, 44–46.

¹¹ Милютин Д.А. Воспоминания 1816–1843. С. 166.

¹² Подробнее см.: *Голубева О.Д.* В.Ф. Одоевский. СПб., 1995. С. 50.

¹³ *Lincoln W.B.* Nicolai Miliutin... P. 17–19.

¹⁴ Подробнее см.: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Исторический очерк. Т. 1. СПб., 1902. С. 1–26.

¹⁵ «Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 214, 240, 265.

¹⁶ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселёв и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 2. СПб., 1882. С. 87–88, 158–159.

¹⁷ Милютин Д.А. Воспоминания 1816–1843. С. 421.

¹⁸ *Корф М.А.* Дневник. Год 1843-й / Публ. И.В. Ружицкой. М., 2004. С. 125–127, 296–297. См. также: *Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 214–218.

¹⁹ Милютин Д.А. Воспоминания 1843–1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2000. С. 121–122.

²⁰ Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб., 2005.

²¹ Из записок Марии Аггеевны Милютинной // *Русская старина.* 1899. № 1. С. 43.

²² *Фишер К.И.* Записки сенатора. М., 2008. С. 279.

²³ Из записок Марии Аггеевны Милютинной. С. 43.

²⁴ Московские ведомости. 1855. 1 октября. № 118. С. 1047. См. также: Из записок сенатора Кастора Никифоровича Лебедева // *Русский архив.* 1889. № 1. С. 146–147.

²⁵ Достопамятные минуты в моей жизни. Записка Алексея Ираклиевича Лёвшина // *Русский архив.* 1885. № 8. С. 477.

²⁶ *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары / Публ. И.Е. Дронова. Т. 4. М., 2018. С. 176–177.

²⁷ *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. С. 177–205.

²⁸ См., в частности: *Ружицкая И.В.* «Просвещённые бюрократы» — новый тип российских чиновников: опыт характеристики // *Вестник РУДН. Сер. История России.* 2008. № 1. С. 36–43; *Ружицкая И.В.* Просвещённая бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009; *Долгих А.Н.* О «либеральной» и «просвещённой» бюрократии в России первой половины XIX века // *История: факты и символы.* 2017. № 2(11). С. 95–101.

Михаил Роднов

Банк и люди*

Michail Rodnov

(Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences)

Bank and people

DOI: 10.31857/S2949124X23050164, EDN: OKMNTT

Известный петербургский учёный В.В. Морозан выпустил фундаментальный труд о Санкт-Петербургской конторе Государственного банка. После исследований А.В. Бугрова¹ это первая обстоятельная работа по данной тематике. О деятельности фили-

алов Государственного банка имеется лишь несколько описательных сочинений. Во многом это объясняется тем, что в региональных архивах сохранились относительно небольшие собрания документов, тогда как основной фонд Государственного банка в РГИА

* Морозан В.В. Санкт-Петербургская контора Государственного банка и её клиенты (1894–1917 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 608 с., ил.